
АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Киноповесть

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Александр Невский — князь Переяславльский.
Василий Буслай — новгородский богатырь, ушкуйник, представитель вольницы, весельчак и мастер погулять.
Гаврило Олексич — новгородский богатырь, степенный воин, лет тридцати пяти, сурового суриковского облика.
Твердило Иванович — псковский воевода, начальник обороны Пскова, лет сорока, алчный, тупой и беспринципный торгош, изменник.
Воевода Павша — помощник Твердилы, лет сорока, смелый и честный патриот.
Его дочь Василиса — высокая, статная женщина, боевой новгородской складки, тип русской женщины-воительницы.
Ольга — новгородская девушка.
Брячиславна — жена Александра Невского.
Софья, Надежда, Любовь — три девушки-псковитянки.
Иван Данилович Садко — поволжский купец.
Пелгусий — монах, разведчик Александра.
Аввакум — нищий.
Амелфа Тимофеевна — мать Буслая.
Никита — переяславльский ополченец.
Яков — переяславльский старик крестьянин.
Граф Герман Балк — магистр ордена, человек лет сорока, профессиональный солдат-завоеватель.
Епископ — старик лет шестидесяти, фанатик, прообраз будущего иезуита.
Ананий — приближенный Твердилы, его разведчик.

Савва и Михалка — приближенные князя Александра Невского.
Князья Иванко и Василько — беспрестольные «безработные» князьки, искатели хороших военных заработков.

Берке — хан Орды.

Старшая жена хана.

Визирь.

Его эмиссар до северной Руси.

Место действия — Псков, Новгород, Переяславль, Чудское озеро, русские дороги, ведущие к Волге, Орда.

1

Лес осенью. Рыцари, построившись клином, «свиньею», врываются в села под Псковом. Все бежит перед ними. Полураздетые женщины с детьми на руках, дети без взрослых, калеки. Девушка тащит полумертвого отца. Мечется напуганный скот. Звон мечей. Крики. Тяжелое дыхание рыцарей, закованных в латы. Пожары деревень.

Встревоженный Псков ждет удара. На улицах тревога: еще неясно, будет ли Псков обороняться или сдастся рыцарям. Одни волокут бревна к воротам, другие укладывают в подводы добро.

На крепостной стене отцы города — воеводы, владыко — бранят начальника обороны Пскова боярина Твердилоу Ивановича. Пятисотенный Павша, сопровождаемый дочерью, надевшей кольчугу поверх женского платья и шлем вместо платка, говорит епископу:

— Собирай совет. Вели рубить собаке голову.

Боевая одежда Павши забрызгана грязью. Он только что из боя.

Старик воевода сокрушенно кивает головой, глядя с высокой стены на дымы дальних пожаров, кольцом окружающих Псков.

— Не сберег ты города, Твердило, продал нас, — говорит он.

— Только детей малых погубим да свое добро растеяем, — оправдывается Твердило. — Ей-богу, сдаваться надо, пока не поздно.

— Что ни решайте, я Пскова не отдам! — говорит Павша. — Не один раз помирали мы — и все живы. И немца били — чуда в том нету.

Владыко протягивает руку к Твердиле, снимает меч с него.

— Предстанешь перед судом, — говорит он.

Набат! Ратные люди бегут к стенам Пскова. Уже закрывают главные ворота, впуская последних беженцев из пригородных сел.

— Не выдадим Пскова! — кричат они.

На площади св. Троицы нищий, по имени Аввакум, скликает народ.

— Вставайте, люди русские! —

поет он.

Павша готовится к обороне. Дочь рядом с ним. Ратники занимают стены, волокут на них камни.

— Вспомним князя Александра! — говорит Павша бойцам. — Бил он шведов на Неве, мы побьем немцев под Псковом.

Монах Пелгусий, одетый ратником, уговаривает испуганных женщин, утешает беженцев.

— На Неве похуже было — и то наша взяла, — говорит он.

Твердиле медлить нельзя. Он накрывает расшитым полотенцем серебряное блюдо, ставит на него хлеб и соль и говорит своему приближенному Ананию:

— Беги через малые ворота к магистру... Скажи — сдам Псков, как уговорено было... Покажь дорогу!..

Потом он подходит к краю стены и говорит народу:

— Да что там зря толковать: никакой беды никому не будет! Шли бы себе по домам, люди добрые!

Ананий выходит за пределы города и попадает к немцам. Они связывают ему руки и, надев на шею петлю, сажают за седло. Он ведет колонну немцев к тем малым воротам, через которые выходил сам. Он стучит:

— Впустите в город холопов боярина Твердилы Ивановича!

— Не пускай гадов! — раздается за воротами голос монаха Пелгусия. — Не с добром пришли.

Но за воротами есть и люди Твердилы. Затеваются рукопашная между сторожами ворот и твердилиными людьми. Ворота распахиваются. Рыцари на конях, со свя-

занным Ананием, врываются в город, прокладывая себе дорогу мечами.

Аввакум кричит народу:.

— Гляди, люди русские, на немецкую ласку!

Павша с группой пеших бойцов пытается задержать конных немцев, но напрасно. В одно мгновение люди его оттеснены и рассеяны, а его самого, еще живого, поднимают на остриях поднятых копий. Лавина рыцарей обрушивается на Псков.

Лавки торговых рядов уже разгромлены. Меха и шелк устилают улицы. Хлеб, мед, масло в разбитых бочках валяются всюду. Горят дома.

Патеры благословляют горящие здания, благословляют крики горящих в домах людей, складывают костры из икон. Рыцари и кнехты, нагруженные добычей, волокут за косы псковских женщин.

Немцы ворвались так быстро, что не весь город еще знает об этом. В покоях епископа тишина и порядок. Сидят заслуженные бояре и монахи, ждут на суд Твердилу. Он вбегает, распахивая и не закрывая двери, пьяный и веселый.

— Ну, вот я!.. — посмеиваясь, кричит он. — Хозяин города, хозяин вам всем, ехидны проклятые!.. Сдал я Псков, ну!..

Крики немцев слышны под окнами. В покои епископа, оглядывая их нелюбезно, входит магистр. Он говорит Твердиле:

— Слушай, русский, так города не сдают... Если ты мне и Новгород с таким боем сдавать будешь, повешу на первом суку. Понял?

Кнехты уже грабят покои епископа. Вскрывают сундуки с псковской казной. С площади слышен зов Аввакума:

— Вставай, народ русский!

На стенах псковского кремля распинают еще живого воеводу Павшу и других сторонников обороны. Твердило распоряжается их казнью. Он деятельно отправляет одних на стены, других на костры, сколачивает группы для принятия римского крещения и из сотен девушек,

согнанных плетью его людей, выбирает себе одну, двух, трех, четырех, пятерых наикрасивейших.

...Уже пируют кнехты в кружалах. Горят церкви. Иностранные купцы стоят у своих лавок, крича по-латыни.

...На площадь св. Троицы гонят бичами и копьями новые толпы уцелевших защитников Пскова — монахов в доспехах, воевод, ратных людей, женщин.

— Кайтесь! Кайтесь, неверные! Спасите души свои! — кричит худой и страшный монах, высоко поднимая над толпою длинный тонкий латинский крест. — Истинна лишь наша латинская вера!

— Быстро! Время не терпит! Крести! — торопят монаха рыцари.

Крещу вас истинною благодатью господней!

Умрете, но тем спасены будете!

Умрете, но тем спасены будете!

Умрете, но тем спасены будете! —

гнусаво кричит он, осеняя крестом псковитян, падающих под мечами рыцарей.

— Пропала Русь! — плачет нищий Аввакум.

...Три латинских монаха бегут по улице, вырывая детей из рук родителей, осматривают их, шупают и, выбрав, толкают к подводе, на которой уже лежит внаброс с десятков ребят.

— К святому обращению, — говорит монах, отбирая ребенка у матери и подставляя к ее губам руку для поцелуя.

— Отдай! — безумствует мать. — Отдай, дьявол!

Копье сбивает ее с ног.

За подводой бегут матери, бабки, сестры отобранных ребятешек. Стон над улицей.

...А на площади Троицы еще убивают. Иных рубят мечами. Других распинают на крепостной стене. Третьим готовят костры.

— Кайтесь, неверные! Примите веру истинную, римскую! — неистовствует боярин Твердило.

— Пропала русская земля! Нет боле русской земли! — шепчут люди, висая на крестах. — Один Александр Ярославич может помочь дать, да нет его!

Воевода Павша говорит, умирая:

— Зовите всю Русь на помочь! Зовите князя Александра! Пелгусий, ступай, зови его!

— Не годится мне бросать Пскова! С вами был и буду! — тихо отвечает ему Пелгусий.

— Ступай, Пелгусий! — говорит старый нищий, которого волокут на костер. — Велим тебе жить. Велим о нас сказать. Велим русское дело помнить!

— Очистить его душу огнем премудрым! — распоряжается монах.

— Вот верно слово! — подхватывает Твердило.

— Проверь огнем! — яростно говорит нищий. — И в огне то ж скажу — не будет по-вашему, не пойдет под немца русская земля, не бывать Руси под папою вашим, сволотой несчастным! А тебе, Твердило, быть тебе без сени и без племени! Не устоит земля на худых людях!

Его толкают на костер. Дым скрывает старика. Но из огня несется голос:

— Встань, народ русский! Встань, ударь!

2

Уже поздняя осень. Грязно, пусто в бревенчатом Переяславле. Невеселая погода на Плещеевом озере. Пять человек тянут невод. Поют:

Реки да озера к Ново-городу,
А мхи да болота к Белу-озеру,
Да чисто поле ко Опскову,
Темны леса Смоленские,
Высоки горы Сорочинские,
Широки ворота Чигарицкие...

Поодаль, на берегу, кучка крестьян.

Среди них монах Пелгусий, прибывший из Пскова. Он рассказывает последние псковские и новгородские новости.

— Пропал Псков, не устоит и Новгород.

— Эх-ма, и что там, в Новгороде, теперь? — говорят рыбаки.

— Видать, нам придется в дело вступать, — замечает древний старик, вздыхая.

Мимо проезжает ордынский чиновник со свитой на конях. Русские люди низко им кланяются. Один рыбак не отдает поклона. И ордынец велит спросить, кто эти люди.

— Ким ды? Кто есть? — спрашивает монгол, подъезжая к веселым рыбакам.

— А кого ищешь, бачка? — озорно спрашивает юнец Савва.

Монгол хлещет Савву нагайкой... Бросив невод, подходит к монголу и берет за узду его коня высокий, статный рыбак.

— В дом входя, хозяев не бьют, — говорит он по-монгольски.

Твердый взгляд его останавливает монгола.

— Кто будешь?

— Князь здешний.

Ордынец удивленно взглядывает на Невского.

— Невский — прозвище твое?

— Да, — отвечает Невский.

— Ты бил шведов?

— Я.

— А тут чего делаешь?

— Рыбу ловлю.

— Что, другой работы нету?

— А чем эта плохая? Вот струги на озере начну скоро строить, торговать за морем будем... Верно, отец? — спрашивает он древнего старика, а тот степенно отвечает:

— А что ж, Ярославич? И поторгуюм.

— Орда наша езжай, там работа много есть. — И добавляет по-татарски: — Наш язык хорошо знаешь?

— Знаю, — по-татарски и затем по-русски говорит Александр. — Мне и на Руси делов хватит.

Ордынец. Русь мы править будем.

Невский (*усмехаясь*). Что ж, поправьте, поучите, гости дорогие, наш народ горазд на ученье.

— Мы сколь хочешь будем учиться, — хитро говорит древний старик.

Баскак отъезжает.

— Тяжелый народ, сильный, — говорит старик, кивая вслед монголу. — Тяжеленько нам будет бить-то их.

— Есть охота? — весело спрашивает его Александр и добавляет серьезно: — Вот тут-то Новгород и нужен.

Дружинник говорит:

— Тако дело на Неве отхватили, слава на весь мир, а житьишко — собачий дыр.

— Пока с монголами не управимся, все так будет, — говорит Александр и запевает взволнованно, потому что поет о Руси: